

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/TEP-24-24>
УДК/UDC 316.6; 316.752

Социально-психологические особенности этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане

Т.Ф. Гулиев¹✉, Н.Г. Малышева²

¹ Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Баку, Баку, Азербайджан

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ tamik.quliyev@mail.ru

Резюме

Актуальность. Этническая идентичность является важным фактором межкультурного взаимодействия. Изучение этнической группы, которая проживает вне своей исторической Родины, позволяет лучше понять, какую роль нахождение в инокультурной среде играет в ощущении принадлежности к своему народу.

Цель. Анализ социально-психологических особенностей этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане, в сравнении с русскими, проживающими в России и азербайджанцами, проживающими в Азербайджане.

Выборка. В исследовании приняли участие 185 респондентов (71 — русские, проживающие в Азербайджане, 76 — азербайджанцы, проживающие в Азербайджане, и 38 — русские, проживающие в России). Возраст респондентов от 18 до 70 лет ($M = 34,2$; $SD = 15,8$).

Методы. Исследование проведено с помощью опроса, включавшего авторскую анкету и методику Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло для оценки выраженности этнической идентичности. В качестве методов обработки использовались U-критерий Манна — Уитни, χ^2 Пирсона, ϕ^* -критерий Фишера и контент-анализ открытых вопросов.

Результаты. Выраженность этнической идентичности у русских в Азербайджане ниже, чем у русских в России, что может быть обусловлено влиянием азербайджанской культуры и процессами ассимиляции. Также было обнаружено, что этническая идентичность русских в Азербайджане включает элементы местной культуры, что свидетельствует в пользу предположения о процессах конгломерации. Анализ восприятия культурных архетипов и этнодифференцирующих признаков среди русских и азербайджанцев свидетельствует о различиях в восприятии культурных и этнических особенностей, что подчеркивает сложность процессов интеграции и идентификации в мультикультурных условиях.

Выводы. Выраженность этнической идентичности у русских, проживающих в Азербайджане, снижена, при этом в когнитивном компоненте отмечается ассимиляция некоторых элементов азербайджанской культуры. Однако, сохранение различий в поведенческих моделях и ценностях свидетельствует о формировании конгломеративной идентичности, где этническая, языковая и национальная идентичности взаимодействуют, но не сливаются полностью.

Ключевые слова: этническая идентичность, кросс-культурные исследования, инокультурное окружение, Азербайджан, русские

Для цитирования: Гулиев, Т.Ф., Малышева, Н.Г. (2024). Социально-психологические особенности этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(3), 46–65. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-24>

Socio-psychological features of the ethnic identity of Russians living in Azerbaijan

Tamerlan F. Guliev¹ ✉, Natalia G. Malysheva²

¹Baku branch of Lomonosov Moscow State University, Baku, Azerbaijan

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ tamik.quliyev@mail.ru

Abstract

Background. Ethnic identity is an important factor in the interaction of different cultures. Studying an ethnic group that lives outside its historical homeland allows to better understand the role that living in a foreign cultural environment plays in the feeling of belonging to one's people.

Objectives. The study had its purpose to analyze the socio-psychological characteristics of the ethnic identity of Russians living in Azerbaijan compared with Russians living in Russia and Azerbaijanis living in Azerbaijan.

Study Participants. The study involved 185 respondents (71 Russians living in Azerbaijan, 76 Azerbaijanis living in Azerbaijan, and 38 Russians living in Russia) aged 18 to 70 ($M = 34,2$; $SD = 15,8$).

Methods. The survey included the authors' questionnaire and J. Phinney's inventory (MEIM) adapted by A.M. Arbitailo. The processing methods implemented the Mann — Whitney U test, Pearson chi-square, Fisher's phi test, and content analysis of open questions.

Results. The study results show that ethnic identity level among Russians in Azerbaijan is lower than among Russians in Russia, which may be due to the influence of Azerbaijani culture and assimilation processes. It was also found that ethnic identity of Russians in Azerbaijan often includes elements of local culture, which supports the assumption of conglomeration processes. An analysis of perception of cultural archetypes and ethno-differentiating features among Russians and Azerbaijanis indicates

differences in the perception of cultural and ethnic characteristics, which emphasizes the complexity of the processes of integration and identification in multicultural setting. **Conclusions.** The ethnic identity of Russians in Azerbaijan is characterized by a lower level of expression and assimilation of some elements of Azerbaijani culture in its cognitive component. However, the differences in behavioral patterns and values indicate the formation of a conglomerate identity, where ethnic, linguistic, and national identities interact though do not completely merge.

Keywords: ethnic identity, cross-cultural studies, foreign cultural environment, Azerbaijan, Russians

For citation: Guliev, T.F., Malysheva, N.G. (2024). Socio-psychological features of the ethnic identity of Russians living in Azerbaijan. *Theoretical and Experimental Psychology*, 17(3), 46–65. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-24>

Введение

Проблема идентичности занимает важное место в социальной психологии начиная с 50-х гг. прошлого века и остается актуальной по сей день. Многочисленные исследования этнической идентичности (Шарапов, 2018; Шакурова, 2005; Стефаненко и др., 2017; Phinney, 1993) подтверждают неоспоримое ее влияние как на отдельную личность, так и на характер межгрупповых отношений. Внушительное количество исследований, проведенных в рамках данной тематики, не снижает важности и актуальности проблемы этнической идентичности, что связано с постоянными трансформациями социальной среды. Стремительный рост физической и цифровой мобильности обеспечивает возможность активного взаимодействия между множеством различных групп и может привести к «блужданию в лабиринте» идентичностей (Леонтьев, 2009; Белинская, 2015). В условиях постоянных изменений и неопределенности, характерных для современности, этнические группы продолжают восприниматься как сущностные, определяемые «по крови», но в то же время, имеется и тенденция к развитию «гибридных», «глокальных» идентичностей (Солдатова, Тетерина, 2011). Исследования последних лет демонстрируют, что социально-политические процессы, межэтнические конфликты, процессы глобализации и т.п. уже заметно отразились на этнической идентичности жителей РФ, постепенно сводя ее к региональной или городской идентичности (Максимов и др., 2015). Другие авторы фиксируют замещение этнической идентичности религиозной (Мукомель, Хайкин, 2016).

Несмотря на достаточно длительную историю изучения этнической идентичности, до сих пор не существует единого и точного ее определения. Авторы обращают внимание на то, что «этническая идентичность по своей сути представляет некую “привязанность (attachment)”, “одинаковость (sameness)”, “принадлежность (belonging)”, “общность (common)”, “членство (member)” в группе/общности» (Сидорякин, 2022, с. 24). Эти термины фокусируют внимание на разных психологических процессах и предлагают разные стратегии исследования. В данной работе мы исходили из понимания этнической идентичности как переживания отношений Я и этнической среды — своего тождества с одной этнической

общностью и отделения от других (Стефаненко, 2009). При этом сам этнос определяется как устойчивая в своем существовании группа людей, которые осознают себя ее представителями на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие (там же). И поэтому в исследовании особенностей этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане, наше внимание будет сфокусировано на когнитивных и аффективных ее составляющих, самоопределении наших респондентов, а также тех признаках, которые воспринимаются как отличающие «свою» группу от «чужой».

На территории Азербайджанской республики (АР) проживают многочисленные этнические группы, которые сохраняют свою самобытность в условиях инокультурного окружения. Одним из примеров такой самобытности может являться русскоязычие, которое, несмотря на отсутствие у русского языка государственного статуса, оказывает значимое влияние на общественно-политическую жизнь страны (Гаджиев, 2017). Поэтому этническая идентичность достаточно часто становится предметом изучения в Азербайджане. Так, например, в исследовании Л. Новрузовой было выявлено, что у подростков — выходцев из межэтнических браков наблюдается меньшая степень выраженности этнической идентичности, чем у подростков из моноэтнических семей (Ширков и др., 2020). При сравнении показателей выраженности отдельных компонентов этнической идентичности было выявлено, что у подростков, независимо от того, являются ли они выходцами из моно- или полиэтнических семей, степень выраженности аффективного компонента этнической идентичности выше, чем когнитивного. Аналогичные результаты были получены У. Гасановой на выборке студентов (там же).

В исследовании М.М. Мишиной и Г.М. Мурсалыевой (2016) проводилось сравнение этнодифференцирующих признаков, выделяемых подростками, проживающими в Москве (этнические русские) и проживающими в Исмаиллинском районе АР (нерусскоязычные азербайджанцы). По результатам исследования авторами были определены пять основных этнодифференцирующих признаков, выделяемых подростками из обеих культурных сред. К ним относятся речь, внешность, поведение, позитивные и негативные личностные качества. Результаты проведенного анализа показали, что азербайджанские подростки в качестве основных этнодифференцирующих признаков выделяют позитивные личностные качества, в то время как их московские ровесники в качестве таковых выделяют речь, внешность и поведение. Полученные результаты трактуются авторами исследования как влияние места проживания (Москва является более поликультурной средой, нежели Исмаиллинский район) на значимость различных этнодифференцирующих признаков.

Проживание в инокультурном окружении не только влияет на компоненты этнической идентичности и процессы дифференциации на «своих» и «чужих», но и требует взаимодействия с ментальностью другой культуры, то есть осмысления чужого мировосприятия, своего рода системы координат, подсказывающей решения для различных ценностных конфликтов человека. Для анализа

азербайджанской ментальности мы обратились к философской работе Г. Кулиева (2019), в которой автор выделяет несколько ключевых «архетипов» культуры Азербайджана.

Например, он указывает на следующие элементы ментальности:

- *Культ семьи* — предполагается, что семья и брак — это основа и цель жизни любого типичного азербайджанца, которая определяет статус и успешность не только самих супругов, но и их родов, и подчинена определенным алгоритмам, регулирующим возникновение и различные этапы жизни.
- *Стыд* рассматривается как основной регулятор социального поведения и критерий зрелости и полноценности личности, основной способ поддержания традиций и, соответственно, порядка жизни. Проявление чувства стыда в азербайджанской культуре зависит от ситуации, в которой находится конкретный человек, в частности, от его принадлежности к определенному полу.
- *Культ еды* как способ демонстрации своей традиционности, щедрости и «полноты жизни», средство и важное содержание межличностной коммуникации. Такое отношение к еде влияет и на восприятие комплекции человека, и на оценку его статуса, и на восприятие того, что такое хорошее событие или жизнь в целом.
- *Карьеризм* как стремление к высокому статусу, возможности управлять людьми и ресурсами на благо своей семьи. При этом основной карьерной стратегией считается «войти в доверие к начальству», что мало зависит от погруженности в работу и инициативности в решении профессиональных задач.
- *Культ настоящего* — ориентация на самодостаточное настоящее выступает своего рода «щитом» от негативных событий прошлого, возможных негативных событий будущего и тесно связано с верой в судьбу (гисмят).

Представленные элементы соотносятся с эмпирическими данными о вертикальном коллективизме и горизонтальном индивидуализме, характеризующих азербайджанскую культуру (Панкратова и др., 2017). При этом в работе Г. Кулиева представлены наблюдения в отношении распространенных и узнаваемых жизненных ситуаций, поэтому мы предположили, что обращение к ним в материале для исследования может позволить обойти элементы социальной желательности, которые могут возникать, когда респондентам предлагаются обобщенные утверждения об особенностях их культуры. Это позволяет увидеть, разделяют ли русские, проживающие в Азербайджане, данные ценности, и можно ли говорить о процессах ассимиляции как полном погружении в «чужую» культуру, в терминах Дж. Берри, или скорее о конгломерации — частичном объединении элементов разных этнических групп, создающих новую объединенную идентичность (в терминах Г. Хаарманна) (по: Солдатова, Тетерина, 2011).

Цель исследования — выявить социально-психологические особенности этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане.

Предметом исследования является выраженность этнической идентичности и содержание ее компонентов у русских, проживающих в Азербайджане, в сравнении с русскими в России и азербайджанцами в Азербайджане.

В исследовании мы исходили из следующих предположений:

1. Уровень этнической идентичности у русских, проживающих в Азербайджане, ниже, чем у азербайджанцев в Азербайджане и у русских в России.
2. Этнодифференцирующие признаки у русских, проживающих в Азербайджане, по сравнению с азербайджанцами и русскими, проживающими в своих странах, больше опираются на элементы культуры, чем на характеристики внешности.
3. Для русских, проживающих в Азербайджане, значимы элементы обеих культур, но при этом они в меньшей степени разделяют и соглашаются с ментальностью азербайджанской культуры, чем азербайджанцы.

Методы исследования

Используемые методики: исследование проводилось в форме онлайн-опроса на базе платформы Google с февраля 2023 по апрель 2024 года. Опросник включал в себя методику Дж. Финни для оценки выраженности этнической идентичности (по: Стефаненко, 2013) и авторскую анкету для анализа ее содержания.

Методика Дж. Финни в русскоязычной адаптации А.М. Арбитайло включает в себя две шкалы — когнитивный и аффективный компонент этнической идентичности (ЭИ), а также общий интегральный показатель. Опросник состоит из 12 утверждений, каждое из которых оценивается по 4-балльной шкале. Таким образом, ответы респондентов могут варьировать от 12 (минимальная выраженность ЭИ) до 48 баллов (максимальная выраженность ЭИ).

Авторская анкета включала в себя блок паспортных данных, характеристики этнического самоопределения респондентов, виньетки с описанием ситуаций, предположительно характеризующих азербайджанскую ментальность, а также вопросы о культурно-исторических элементах, конструирующих этническую идентичность¹.

Блок вопросов для выявления степени согласия с архетипами азербайджанской культуры был составлен нами на основе работы Г. Кулиева (2019) и включал в себя пять ситуаций, в которых поведение участников отражало выделенные автором архетипы. По каждому архетипу (семья, карьеризм, культ настоящего, еда, стыд) нами было сформулировано краткое и узнаваемое описание ситуации, включающей в себя некий ценностный конфликт и предлагаемое азербайджанской культурой его решение. Респонденты оценивали, насколько персонаж в каждой ситуации воспринимается как представитель русской и азербайджанской культур, насколько его поведение понятно и вызывает ли согласие. Ответы были предложены в форме 5-балльной номинальной шкалы, где 1 — минимальные уверенность/понимание/согласие, а 5 — максимальные. Примеры ситуаций: архетип

¹ Формулировки вопросов приведены в разделах, посвященных соответствующим результатам.

«семья» — «Одинокый мужчина женится на девушке, которую не любит, с целью завести семью и детей»; архетип «стыд» — «Молодая девушка стыдится встречаться и гулять с молодым человеком, который ей нравится, по причине того, что окружающие посчитают ее “гулящей”» и т.п.

Методы статистической обработки полученных данных включали U-критерий Манна — Уитни, χ^2 Пирсона, φ^* -критерий Фишера. Кроме того, применялся контент-анализ ответов респондентов на открытые вопросы анкеты.

Выборка

В исследовании приняли участие 185 респондентов, из них 71 чел. — русские, проживающие в Азербайджане (возраст $M = 36,7$, $SD = 15,07$), 76 чел. — азербайджанцы, проживающие в Азербайджане (возраст $M = 29,4$, $SD = 14,37$) и 38 чел. — русские, проживающие в России (возраст $M = 22,05$, $SD = 5,36$). Отнесение к подгруппам происходило на основе ответов о территории проживания в течение большей части жизни и этнической принадлежности родителей. К группе русских, проживающих в Азербайджане, были отнесены те, кто указывали хотя бы одного из родителей русской национальности. Мы ориентировались на критерии внешнего приписывания этничности для разделения выборки, поскольку именно этот способ дифференциации превалирует в обыденном сознании. Нам было важно выяснить, как этот «эссенциалистский» взгляд соотносится с психологической реальностью самих респондентов, с их самоопределением. Характеристики выборки представлены в Таблице 1.

Таблица 1
Характеристики выборки

		Рус(Аз) ²	Аз	Рус(РФ)
Пол	Женский	42	54	33
	Мужской	29	22	5
Родной язык	Русский	69	13	38
	Азербайджанский	0	50	0
	Билингвы	2	13	0
Этническое происхождение	Моноэтнические браки	41	57	25
	Межэтнические браки	30	19	13
	Русский	47	0	29
Этническая самоидентификация	Азербайджанец	4	66	0
	Не определился	10	3	3
	Космополитизм	10	7	6

² Здесь и далее в таблицах будут приняты следующие обозначения: Рус(Аз) — русские, проживающие в Азербайджане; Аз — азербайджанцы, проживающие в Азербайджане; и Рус(РФ) — русские, проживающие в России.

Table 1
Participant's characteristics ³

		Rus(Az) ³	Az	Rus(RF)
Sex	Female	42	54	33
	Male	29	22	5
Native language	Russian	69	13	38
	Azerbaijani	0	50	0
	Bilinguals	2	13	0
Ethnic origin	Monoethnic marriages	41	57	25
	Interethnic marriages	30	19	13
Ethnic self-identification	Russian	47	0	29
	Azerbaijanian	4	66	0
	Uncertain	10	3	3
	Cosmopolitanism	10	7	6

Можно заметить, что несмотря на распространенность двуязычия в Азербайджане, язык остается важным элементом ощущения принадлежности к народу — для русских родной язык русский, для азербайджанцев — азербайджанский. При этом, на уровне самоопределения в группе русских, проживающих в Азербайджане, существенная часть респондентов либо не относят себя к определенной этнической группе в принципе, либо не определились с тем, к какой этнической группе они принадлежат. Это согласуется с данными, что космополитизм и диффузная идентичность в большей мере свойственна тем, кто является выходцем из межэтнических браков (см. Трифонова, Козлов, 2021).

Результаты исследования

1. Этническая идентичность

Сопоставление уровня выраженности этнической идентичности проводилось попарно по трем группам респондентов с помощью U-критерия Манна — Уитни (Таблица 2).

Таблица 2

Результаты описательной статистики и сравнения показателей по методике Дж. Финни для трех подгрупп: русских и азербайджанцев, проживающих в Азербайджане, и русских, проживающих в России

	N	M	SD	Сравнение 1 и 2 гр.	Сравнение 2 и 3 гр.	Сравнение 1 и 3 гр.
1. Рус(Аз)	71	26,3	6,64	U = 2257; p = 0,087	U = 1023; p = 0,011	U = 698; p ≤ 0,001
2. Аз	76	28,4	8,46			
3. Рус(РФ)	38	32,5	7,65			

³ Here and further in the tables the following designations will be adopted — Russians living in Azerbaijan (Rus(Az)), Azerbaijanis living in Azerbaijan (Az) and Russians living in Russia (Rus(RF)).

Table 2

Descriptive statistics and comparison results of J. Phinney's inventory indicators for three subgroups: Russians and Azerbaijanis living in Azerbaijan and Russians living in Russia

	N	M	SD	Comparison of groups 1 and 2	Comparison of groups 2 and 3	Comparison of groups 1 and 3
1. Rus(Az)	71	26.3	6.64	U = 2257, p = 0.087	U = 1023, p = 0.011	U = 698, p ≤ 0.001
2. Az	76	28.4	8.46			
3. Rus(RF)	38	32.5	7.65			

Таким образом, сравнительный анализ показал, что выраженность идентичности у всех групп респондентов несколько выше среднего показателя, однако ее нельзя считать высокой. Наиболее выражена этническая идентичность у русских, проживающих в России. Статистический анализ указывает на отсутствие значимых различий между выраженностью ЭИ у русских и азербайджанцев, проживающих в Азербайджане и наличие значимых различий между этими группами и показателями русских, проживающих в РФ. Дополнительно мы сравнили средние показатели по шкалам «Когнитивный компонент ЭИ» и «Аффективный компонент ЭИ» и обнаружили, что в этом случае наблюдаются значимые различия только между русскими, проживающими в разных странах (U = 699, p ≤ 0,001 и U = 983, p = 0,02, соответственно).

2. Содержание ЭИ⁴

Для уточнения элементов когнитивных представлений о культуре, которую русские респонденты, проживающие в Азербайджане, считают «своей», мы попросили их назвать любое количество блюд своей национальной кухни и деятелей культуры, представляющих их народ. Результаты были закодированы с точки зрения отнесения ответов к русской или азербайджанской культуре (Таблица 3).

Таблица 3

Число ответов⁵, данных русскими, проживающими в Азербайджане

	Русская культура	Азербайджанская культура
Национальная кухня	17	47
Деятели культуры или искусства	18	52

Table 3

Sum of answers⁶ from Russians living in Azerbaijan

	Russian culture	Azerbaijani culture
National cuisine	17	47
Cultural or artistic figures	18	52

⁴ Здесь и далее приведены результаты анализа ответов на открытые вопросы анкеты и блока анализа ментальности. В этой части исследования участвовала меньшая выборка — 124 респондента: 56 русских, проживающих в Азербайджане, 56 азербайджанцев, проживающих в своей стране, 12 русских, проживающих в России.

⁵ В таблице приведены данные только по выборке русских, проживающих в Азербайджане.

⁶ Here are data only for a sample of Russians living in Azerbaijan (56 respondents).

Анализ представленных в таблице данных позволяет говорить о том, что у русских, проживающих в Азербайджане, когнитивные представления о своей этнической группе связаны с азербайджанской культурой, несмотря на то что большинство из них не идентифицируют себя как азербайджанцев. Можно предположить, что это вызвано процессом ассимиляции или «переключением» национальной идентичности.

Отдельный вопрос («Про какие исторические события, касающиеся вашего народа, вам чаще всего рассказывали ваши родители/прародители?»), был направлен на выявление событий коллективной памяти, которые «живы» в представлениях респондентов. Полученные ответы были разделены на три категории: «Значимые исторические события», «Культурно-исторические события» и «Другое». Первая из данных категорий подразделялась на три подкатегории — события, связанные с войнами, с распадом СССР и геноцид (трагические события). Все результаты представлены в Таблице 4.

Таблица 4
Количество ответов о событиях коллективной памяти и процент⁷ встречаемости различных категорий в ответах респондентов

Код	Категории	Частота упоминания			Процент упоминания		
		Рус(Аз)	Аз	Рус(РФ)	Рус(Аз)	Аз	Рус(РФ)
A	Значимые исторические события						
A1	<i>События, связанные с войнами</i>						
A.1.1	Военные действия 1990-х гг.	4	17	0	7%	30%	0%
A.1.2	Вторая мировая война	7	5	9	12,5%	9%	75%
A.1.3	Военные действия начала XX в.	3	5	1	5%	9%	8%
A.1.4	Военные действия времен Нового времени / средневековья	0	15	5	0%	27%	42%
A.1.5	Информация о войнах, оцениваемая респондентами как «неинтересная»	2	2	0	3,5%	3,5%	0%
A2	<i>События, связанные с СССР</i>						
A.2.1	Распад СССР	5	3	2	9%	5%	17%
A.2.2	Общие сведения о жизни в СССР	0	9	1	0%	16%	8%
A.3	<i>Геноциды и трагические события</i>	0	18	2	0%	32%	16%
B	Культурно-исторические события	0	7	2	0%	12,5%	17%
C	Другое	3	8	1	5%	14%	8%

⁷ Здесь и далее процент упоминания указан относительно объема выборки респондентов, участвовавших в этой части опроса (см. сноску 4).

Table 4
Amount and percentage of answers about collective memory events

Code	Categories	Frequency			Percentage		
		Rus(Az)	Az	Rus(RF)	Rus(Az)	Az	Rus(RF)
A	Significant historical events						
A1	<i>Events related to wars</i>						
A 1.1	Military actions of the 1990s	4	17	0	7%	30%	0%
A 1.2	The Second World War	7	5	9	12.5%	9%	75%
A 1.3	Military actions of the beginning of the XX-th century.	3	5	1	5%	9%	8%
A 1.4	Military actions of the New Age / Middle Ages	0	15	5	0%	27%	42%
A 1.5	Information about wars rated by respondents as "uninteresting"	2	2	0	3.5%	3.5%	0%
A2	<i>Events related to the USSR</i>						
A 2.1	Collapse of the USSR	5	3	2	9%	5%	17%
A 2.2	General information about life in the USSR	0	9	1	0%	16%	8%
A 3	<i>Genocides and tragic events</i>	0	18	2	0%	32%	16%
B	Cultural and historical events	0	7	2	0%	12.5%	17%
C	Other	3	8	1	5%	14%	8%

Анализ ответов респондентов показывает, что в семьях русских, проживающих в Азербайджане, чаще всего поднимаются темы Первой и Второй карабахских войн, Второй мировой войны и распада СССР. Однако эти темы не менее значимы и для азербайджанцев. Для статистической проверки сходств и различий нами был использован ϕ^* -критерий — угловое преобразование Фишера.

Статистически значимые различия были обнаружены в категории A1.1. «Военные действия 1990-х гг.». Здесь жители Азербайджана указывали Первую карабахскую войну. Азербайджанцы значительно чаще, чем русские, проживающие в Азербайджане, отмечали, что данная тема активно обсуждается в их семьях ($\phi^*_{эмп} = 4,032, p \leq 0,01$). Интересным является и тот факт, что русские, проживающие в России, не затронули ни одного конфликта периода 1990-х гг., несмотря на влияние, которые данные конфликты (например, Первая чеченская война) оказали на страну и ее население.

По результатам сравнения между собой других групп было установлено наличие статистически значимых различий между жителями Азербайджана и русскими, проживающими в России, которые значительно чаще упоминают о Второй мировой войне, что говорит о значимости ее влияния на страну и о том, что представления о войне все еще «живы» в коллективной памяти данной этнической

группы ($\phi^*_{\text{эмп}} = 4,032$, $p \leq 0,01$ для групп русских в разных странах; $\phi^*_{\text{эмп}} = 4,489$, $p \leq 0,01$ при сравнении русских в РФ и азербайджанцев). Полагаем, что значительную роль в этом играет влияние со стороны государства и СМИ. В России намного активнее, чем в Азербайджане, освещается опыт Великой Отечественной войны, снимаются художественные фильмы по данной тематике, устраиваются парады памяти.

Стоит также отметить и тот факт, что в коллективной памяти азербайджанцев актуализированы и трагические события, связанные с прошлым их этнической группы (например, Ходжалинская трагедия, геноцид 1918-го года). К сожалению, в данный момент мы не можем констатировать наличие статистически значимых различий в описанной выше категории, так как русские, проживающие в Азербайджане, не дали ни одного ответа, который мы могли бы отнести к данной категории, что в связи с ограничениями ϕ^* -критерия не позволяет применить статистические процедуры. Однако в связи с довольно внушительным количеством ответов, которые азербайджанцы давали по этой категории (18 ответов), можно предположить, что трагические события прошлого имеют важное значение в коллективной памяти их этнической группы. С нашей точки зрения, было бы несправедливо утверждать, что русские, проживающие в России, не «познали» на себе тяжесть каких-либо трагических для их этнической группы событий, однако, по нашему мнению, в связи с непосредственной угрозой повторения запечатленных в коллективной памяти азербайджанцев трагических событий, последние сохраняют актуальность. Как уже отмечалось, «живые» события коллективной памяти могут повлиять на преодоление группой возникших сложностей, предоставив ей «помощь».

Вопрос об этнодифференцирующих признаках был направлен на выявление тех характеристик, которые ложатся в основу деления на «мы» и «они». Респондентам был задан открытый вопрос без ограничения числа ответов. Результаты были обработаны с помощью контент-анализа, разделяющего ответы на три категории: «Внешние признаки», «Поведенческие признаки» и «Другое». Первые две из данных категорий подразделялись на несколько подкатегорий (Таблица 5).

Проведенный анализ эмпирических данных свидетельствует о наличии статистически значимых различий между азербайджанцами и русскими, проживающими в Азербайджане в категориях «Общие внешние признаки» ($\phi^*_{\text{эмп}} = 4,032$, $p \leq 0,01$), «Форма/цвет глаз» ($\phi^*_{\text{эмп}} = 2,551$, $p \leq 0,01$) и «Разговорный язык» ($\phi^*_{\text{эмп}} = 2,207$, $p \leq 0,05$). Упомянутые категории значительно чаще используются этническими азербайджанцами в качестве этнодифференцирующих. По нашему мнению, выявленный факт можно интерпретировать с точки зрения влияния, оказываемого на русских их проживанием в инокультурной среде. В отличие от азербайджанцев, слышащих от членов своей этнической группы родную речь, русские достаточно часто контактируют с азербайджанцами, говорящими на русском, в связи с чем разговорный язык перестает выступать для русских именно этнодифференцирующим признаком. Однако разговорный язык упоминался чаще, чем другие признаки, что позволяет нам предположить, что русские,

проживающие в Азербайджане, категоризируют людей не по этническим, а по языковым группам.

Таблица 5
Количество и процент ответов об этнодифференцирующих признаках для трех групп респондентов

Код	Категории	Частота упоминания			Процент упоминания		
		Рус(Аз)	Аз	Рус(РФ)	Рус(Аз)	Аз	Рус(РФ)
A	Внешние признаки						
A1	<i>Морфологические признаки</i>						
A 1.1	Общие внешние признаки	6	24	10	11%	43%	83%
A 1.2	Цвет кожи	0	12	1	0%	21%	8%
A 1.3	Форма/цвет глаз	5	15	1	9%	27%	8%
A 1.4	Цвет волос	4	7	0	7%	12,5%	0%
A 1.5	Другое	6	9	0	11%	16%	0%
A 2	<i>Национальные атрибуты</i>	5	3	3	9%	5%	25%
B	Поведенческие признаки						
B 1	<i>Разговорный язык</i>	9	19	9	15,5%	34%	75%
B 2	<i>Особенности поведения (ми-мика и жестикауляция)</i>	3	7	1	5%	12,5%	8%
B 3	<i>Менталитет</i>	6	10	3	11%	18%	25%
B 4	<i>Другое</i>	4	3	3	7%	5%	25%
C	Другое	1	3	0	1%	5%	0%

Table 5
Amount and percentage of answers about ethnically differentiating characteristics among three groups of respondents

Code	Categories	Frequency			Percentage		
		Rus(Az)	Az	Rus(RF)	Rus(Az)	Az	Rus(RF)
A	External characteristics						
A1	<i>Morphological characteristics</i>						
A 1.1	General external characteristics	6	24	10	11%	43%	83%
A 1.2	Skin color	0	12	1	0%	21%	8%
A 1.3	Eye shape/color	5	15	1	9%	27%	8%
A 1.4	Hair color	4	7	0	7%	12.5%	0%
A 1.5	Other	6	9	0	11%	16%	0%
A 2	<i>National attributes</i>	5	3	3	9%	5%	25%
B	Behavioral signs						
B 1	<i>Spoken language</i>	9	19	9	15.5%	34%	75%
B 2	<i>Features of behavior (facial expressions and gestures)</i>	3	7	1	5%	12.5%	8%
B 3	<i>Mentality</i>	6	10	3	11%	18%	25%
B 4	<i>Other</i>	4	3	3	7%	5%	25%
C	Other	1	3	0	1%	5%	0%

Сравнивая между собой две группы русских респондентов, мы наблюдаем значимые различия в категориях «Общие внешние признаки» ($\phi^*_{эмп} = 5,137$, $p \leq 0,01$) и «Разговорный язык» ($\phi^*_{эмп} = 3,986$, $p \leq 0,01$) — они используются для дифференциации чаще в России, чем в Азербайджане.

Обобщая все сказанное нами выше, можно предположить, что респонденты используют те этнодифференцирующие признаки, которые помогают лучше ориентироваться в конкретной культурной среде. Азербайджанцам, в виду их гостеприимности и уважительного отношения к чужим культурам, необходимо оперативно и точно определять представителей других этнических групп для того, чтобы соблюсти предписанное культурой поведение. Проживающие в Азербайджане русские избирательны к конкретным внешним признакам, так как они помогают им найти представителя смешанных браков или русскоязычного азербайджанца, что «облегчает» их проживание в данной стране.

3. Анализ ментальности

На основе примеров различных аспектов архетипов, приводимых Г. Кулиевым в своей работе, нами были разработаны 5 ситуаций-виньеток, описывающих ценностный конфликт и его решение в азербайджанской культуре. Эта часть анкеты предлагалась только респондентам, проживающим в Азербайджане.

Для оценки согласованности распределений мы использовали критерий хи-квадрат для независимых выборок.

Отметим, что ответы респондентов демонстрируют скорее сомнение и среднюю позицию по каждой из 5 ситуаций (соответственно, в отношении каждого из 5 архетипов). И азербайджанцы, и русские, проживающие в Азербайджане, склонны выбирать средние ответы для оценки уверенности в принадлежности персонажа к азербайджанской культуре — «в чем-то уверен, в чем-то нет». Исключение составляют героиня истории о стыде (репутации) — она с большей уверенностью оценивается как азербайджанка обеими группами, и герой, чья история выстроена вокруг ценности семьи — он вызывает неуверенность у русских респондентов, а азербайджанцами чаще воспринимается как представитель их культуры. Принадлежность каждого персонажа к русской культуре вызывает сомнения («скорее не уверен») у всех респондентов. Лишь в отношении архетипа «Карьера» азербайджанские респонденты готовы допустить, что речь идет о русской женщине («в чем-то уверен, в чем-то — нет»). А ситуация «Стыд» всеми воспринимается как отличающаяся от русской культуры («не уверен»). Однако статистически значимых различий в восприятии культурной принадлежности не наблюдается. В целом можно сказать, что предложенные нами ситуации не воспринимаются как точное отражение азербайджанской культуры, но оцениваются как отличающиеся от норм русской культуры.

Оценки понимания описанных в виньетках паттернов поведения достаточно низкие и их распределение согласовано у двух выборок, то есть нет значимых различий по этому параметру. В целом, наименьшее понимание у русских,

проживающих в Азербайджане, вызвали архетипы «Семья» и «Еда», а остальные имеют среднюю оценку («в чем-то понимаю, в чем-то — нет»).

Азербайджанцы чаще, чем русские, проживающие в Азербайджане, соглашаются с отражающими архетип «семьи» поведенческими паттернами, то есть считают, что семья выступает наивысшей ценностью азербайджанского общества, и все усилия человека должны направляться на обеспечение благополучия семьи ($\chi^2 = 10,9$, $p = 0,012$), и выражают понимание необходимости его реализации. Было также выявлено, что азербайджанцы значительно чаще, чем русские, проживающие в Азербайджане, соглашаются с отражающими архетип «Карьера» поведенческими паттернами ($\chi^2 = 14,9$, $p = 0,005$). Статистически значимых различий между группами по остальным архетипам выявлено не было.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования предоставляют новые интересные данные о степени выраженности и содержании этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане, которые вносят вклад в продолжение традиции изучения данной группы граждан. В целом, нами обнаружено, что у всех трех групп — русских, проживающих в Азербайджане, азербайджанцев, проживающих в Азербайджане, и русских в России — выраженность этнической идентичности невысокая. Возможно, это связано с тем, что наши респонденты находятся или на стадии предрешенной идентичности, или в ее поиске — так, например, некоторые респонденты характеризовали себя как «космополитов» или «не определившихся». Выявленные нами различия в степени выраженности этнической идентичности между русскими, проживающими в РФ и проживающими в АР, согласуются с результатами других авторов (Ширков и др., 2020). Меньшую степень выраженности этнической идентичности у русских, проживающих в Азербайджане, мы рассматриваем как результат влияния на них этнического большинства. С одной стороны, мы можем предположить, что этнические русские находятся под давлением со стороны этнического большинства, но при этом давление не носит насильственный характер. С целью сохранить занимаемый статус и социальное положение, русские подчиняются группе большинства и снижают степень выраженности этнической идентичности, демонстрируя стратегию ассимиляции. Еще одним возможным объяснением полученных результатов может быть то, что русские, проживающие на территории АР, в большинстве своем причисляют себя не к этнической группе, а к языковой (русскоязычные жители Азербайджана).

Можно предположить, что причина низкой актуальности этнической идентичности, по сравнению с другими ее видами (например, профессиональной), является следствием отвержения современной молодежью того, что стало причиной нарушения самоидентичности, то есть ценностей и норм своей этнической группы, которые могут ощущаться как неактуальные в «современном мире» (Дробужева, 2010). Косвенно это подтверждается данными, собранными на материале описания ситуаций, предположительно отражающих азербайджанскую

ментальность, — только ценности семейного статуса и благополучия (ситуации «Культ семьи» и «Карьера») вызывают более высокое понимание и согласие у азербайджанцев, а остальные находят меньше поддержки. При этом восприятие и оценка ситуаций свидетельствуют, что предложенные модели поведения считаются неприемлемыми в русской культуре, и можно предположить, что здесь мы наблюдаем еще один уровень этнодифференцирующих признаков. В целом, анализ категорий, по которым происходит разделение на «своих» и «чужих», демонстрирует, что русские, проживающие в Азербайджане, используют более конкретные и частные этнодифференцирующие признаки, нежели члены других групп. Мы считаем, что описанный факт связан с процессами ассимиляции и активного межэтнического смешения, в результате которых русским, проживающим в Азербайджане, необходимо более избирательно выделять признаки, благодаря которым они смогут определить представителя своей группы. Кроме того, наши результаты позволяют предположить, что специфическая ситуация, в которой проживают русские в Азербайджане, оказала влияние на особенности их коллективной памяти — исторические события, обсуждавшиеся в семейном кругу, касаются советской истории и истории страны проживания, но упоминаются реже, то есть являются менее актуальными, чем для азербайджанцев и русских, проживающих в России. Не было выявлено специфических событий, которые бы объединяли именно русских, проживающих в Азербайджане, что может подтверждать предположение о процессах ассимиляции или свидетельствовать о нарушении процессов преемственности этнической идентичности данной группы (Стефаненко и др., 2017). Таким образом, подтверждается сложный, гибридный характер этнической идентичности русских, проживающих в Азербайджане. Безусловно, для более надежных выводов необходимо увеличение выборки, отдельное изучение подгрупп с разными видами самоидентификации («русские», «не определившиеся» и «космополиты», например), а также уточнение и расширение методического инструментария — в частности, добавление в исследование анализа элементов русской ментальности.

Выводы

Этническая идентичность русских, проживающих в Азербайджане, характеризуется рядом особенностей.

Степень ее выраженности статистически не отличается от ЭИ азербайджанцев, но ниже, чем у русских, проживающих в России. Когнитивный и аффективный ее компоненты выражены в сходной степени у всех трех подгрупп респондентов.

Содержание когнитивного компонента носит смешанный характер и включает в себя элементы русской и азербайджанской культуры, что может быть свидетельством ассимиляции. Однако, на уровне проявлений азербайджанской ментальности наблюдается дифференциация — описанные модели поведения рассматриваются как отличающиеся от русской культуры, и идеи высокой

ценности брака и необходимости обеспечивать семью любой ценой вызывают значимо меньше понимания по сравнению с оценками азербайджанцев. Это свидетельствует в пользу сформированности идентичности по типу конгломерации, то есть соединения этнической, языковой и национальной идентичностей.

Для категоризации на «своих» и «чужих» русскими, проживающими в Азербайджане, реже, чем азербайджанцами и русскими, проживающими в России, используются характеристики внешности и разговорный язык.

Наблюдаются значимые различия в событиях прошлого, доминирующих в коллективной памяти жителей Азербайджана. Обе этнические группы (русские и азербайджанцы, проживающие в Азербайджане) упоминают Первую карабахскую войну. Однако азербайджанцы чаще отмечают, что эта тема активно обсуждается в их семьях, наряду с темой трагических событий. При этом русские, проживающие в России, значительно чаще упоминают Вторую мировую войну, что свидетельствует о ее ведущей и значимой роли в коллективной памяти народа.

Список литературы

- Белинская, Е.П. (2015). Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? *Психологические исследования*, 40(8), 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.551>
- Гаджиев, А.А. (2017). Русскоязычие как компонент поликультурного образования в Азербайджанской Республике. *Научный диалог*, (2), 235–255. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-235-255>
- Дробижева, Л.М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 13(320), 49–58.
- Кулиев, Г. (2019). Архетипичные азери. Лики менталитета. Баку: Изд-во «ALTUN KİTAP».
- Леонтьев, Д.А. (2009). Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. *Философские науки*, (10), 5–10.
- Максимов, М.Б., Максимова, С.Г., Авдеева, Г.С., Ноянзина, О.Е. (2015). Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*, 11(133), 167–171.
- Мишина, М.М., Мурсалыева, Г.М. (2016). Сравнительный анализ этнической идентичности для подростков из разных культурных сред. *Акмеология*, 4(60), 121–125.
- Мукомель, В.И., Хайкин, С.Р. (2016). Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (3), 51–68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>
- Панкратова, А.А., Осин, Е.Н., Гасанова, У.У. (2017). Уровень горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма в России и Азербайджане. *Психологические исследования*, 10(55). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.352>
- Сидорякин, Р.В. (2022). Научно-теоретическое обоснование понятия «этническая идентичность» в мировой психологической парадигме. *Психология образования в поликультурном пространстве*, 2(58), 22–34.

Солдатова, Г.У., Тетерина, М.Т. (2011). Многоязычие как фактор формирования новой идентичности и культурного интеллекта. *Образовательная политика*, 2(52), 58–71.

Стефаненко, Т.Г. (2009). Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, (2), 3–17.

Стефаненко, Т.Г. (2013). Этнопсихология. Практикум. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».

Стефаненко, Т.Г., Тумгоева, Т.А., Котова, М.В. (2017). Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа. *Национальный психологический журнал*, (4), 45–56. <https://doi.org/10.11621/nprj.2017.0404>

Трифонова, С.А., Козлов, В.В. (2021). Этническая идентичность и особенности совладающего поведения выходцев из межэтнических браков. *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*, 2(15), 256–267.

Шакурова, Г.Р. (2005). Этническая идентичность современных башкир: дис. канд. полит. наук. Москва.

Шарапов, В.В. (2018). Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: дис. докт. психол. наук. Самара.

Ширков, Ю.Э., Азимзаде, А.А., Гасанова, У.У., Новрузова, Л.З. (2020). Влияние Т.Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*, 1(17), 196–208. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Phinney, J.S. (1993). A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. In: M.E. Bernal, G.P. Knight (eds.) *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. (pp. 61–79). New York: State University of New York Press.

References

Belinskaya, E. (2015). The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psychological Studies*, 40(8), 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.551>

Drobizheva, L.M. (2010). Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and other ethnic environments. *Sociological Studies*, 13(320), 49–58. (In Russ.)

Gadzhiev, A.A. (2017). Russian Speaking as Component of Multicultural Education in Republic of Azerbaijan. *Nauchnyi dialog = Scientific dialogue*, (2), 235–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-2-235-255>

Kuliev, H. (2019). *Archetypal Azeri. Faces of mentality*. Baku: ALTUN KİTAB Press.

Leontyev, D. (2009). The Path from the Identities Labyrinth: not the Human for Identity, but Identity for Human. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, (10), 5–10. (In Russ.)

Maksimov, M.B., Maksimova, S.G., Avdeyeva, G.S., Noyanzina, O.Ye. (2015). Civil, ethnic and religious identities: regional dimension. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State Agricultural University*, 11(133), 167–171. (In Russ.)

Mishina, M.M., Mursaliyeva, G.M. (2016). Comparative analysis of ethnical identity of teenagers from different cultural background. *Akmeologiya = Acmeology*, 4(60), 121–125. (In Russ.)

Mukomel, V., Khaykin, S. (2016). Crimean tatars after the “crimean spring”: Transformation of identities. *The Monitoring of Public Opinion Economic & Social Changes*, (3), 51–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>

Pankratova, A.A., Osin, E.N., Hasanova, U.U. (2017). Levels of horizontal and vertical individualism and collectivism in Russia and Azerbaijan. *Psychological Studies*, 10(55). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i55.352>

Phinney, J.S. (1993). A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. In: M.E. Bernal, G.P. Knight (eds.). *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. (pp. 61–79). New York: State University of New York Press.

Sidoryakin, R.V. (2022). Scientific and theoretical substantiation of the concept “ethnic identity” in the world psychological paradigm. *Psychology of Education in Multicultural Space*, 2(58), 22–34. (In Russ.)

Shakurova, G.R. (2005). Ethnic identity of modern Bashkirs. Cand. Sci. (Politics). Moscow. (In Russ.)

Sharapov, V.V. (2018). National consciousness and socio-psychological phenomena of ethnic self-awareness of the population of the Middle Volga region. Doct. Sci. (Psychology). Samara. (In Russ.)

Shirkov, Y.E., Azimzade, A.A., Hasanova, U.U., Novruzova, L.Z. (2020). Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 1(17), 196–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Soldatova, G.U., Teterina, M.T. (2011). Multilingualism as a factor in the formation of a new identity and cultural intelligence. *Obrazovatel'naya politika = Educational policy*, 2(52), 58–71. (In Russ.)

Stefanenko, T.G. (2009). Ethnic identity: from ethnology to social psychology. *Lomonosov Psychology Journal*, (2), 3–17. (In Russ.)

Stefanenko, T.G. (2013). *Ethnopsychology: practical guide*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Stefanenko, T.G., Tumgoeva, T.A., Kotova, M.V. (2017). The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group. *National Psychological Journal*, (4), 45–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0404>

Trifonova, S.A., Kozlov, V.V. (2021). Ethnic identity and peculiarities of coping behavior of people from interethnic marriages. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Humanities series*, 2(15), 256–267. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамерлан Фарид оглы Гулиев, магистр факультета психологии филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Баку, Азербайджан, tamik.quliyev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8693-6154>

Наталья Георгиевна Малышева, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, tasha.malysheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9399-3341>

ABOUT THE AUTHORS

Tamerlan F. Guliev, Master of Psychology, Baku branch of Lomonosov Moscow State University, Azerbaijan, tamik.quliyev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8693-6154>

Natalia G. Malysheva, Cand. Sci. (Psychology), Docent at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, tasha.malysheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9399-3341>

Поступила: 15.06.2024; получена после доработки: 20.07.2024; принята в печать: 10.08.2024.
Received: 15.06.2024; revised: 20.07.2024; accepted: 10.08.2024.